

Тропик Хоркиной

Двукратная олимпийская чемпионка по спортивной гимнастике выходит на драматическую сцену

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ,
«Новые Известия»

В начале ноября «Театральная компания Сергея Виноградова» представит на арендованной сцене чеховского МХАТа очередную премьеру. Очередную, но необычную и чрезвычайно эффектную для всякого рода предварительного пиара. Главная роль в спектакле Venus отдала Светлане Хоркиной, 24-летней «бабушке российской гимнастики», которая готовится сейчас к завершающему в своей жизни чемпионату мира и подумывает о дальнейшей карьере то ли актрисы, то ли телезвезды. Говорят, Виноградов положил глаз на Хоркину еще в 1996 году, после Олимпиады в Атланте, ждал ее долго и терпеливо, уговаривал, настаивал... Осада имела успех, крепость, наконец, сдалась. Светлана приступила к занятиям сценарием и режиссурой. Генри Миллера, поскольку пьеса (самим Виноградовым, кстати, написанная) посвящена последней любви великого эротомана — юной голливудской актрисе Бренде Венус. Госпожа Венус здравствует до сих пор и даже обещала посетить московскую премьеру, так что все желающие смогут попить взглядом на остатках бывлой красоты, когда-то столь возбуждавшей создателя «Тропика Рака» и «Тропика Козерога».

Роман начался в 1976-м, когда Миллеру было 84 года, и продолжался до его прощального вздоха, но был преимущественно эпистолярным. Генри написал Бренде полторы тысячи писем. Часть из них, плюс несколько ответных посланий Бренды, плюс ее комментарии опубликованы в книге Dear, Brenda. Это издание, вероятно, и послужило основой виноградовского сценарного плана (все-таки «пьеса» — слишком громкое слово для Venus).

Виноградову пока лишь тридцать семь, однако его явно волнует вечный сюжет последней мужской страсти. «И может быть, на мой закат печальный...», «Продлись, продлись, очарованные...» и так далее. Последняя женщина — это пик, где наконец происходит соитие реальности и фантазии; в ней воплощаются все прошедшие любви и все будущие, которые вряд ли успеют состояться, и главное — все женщины-грезы, женщины-мечты (ведь в поздней зрелости, как и в ранней юности, мужчины очень романтичны)...

Хотя Venus уже демонстрировала публике, любые комментарии до момента официальной премьеры исключаются. Могу лишь намекнуть, что проблемы существуют, и, на мой взгляд, Сергей Виноградов просто обязан в лепешку расшибиться, но разрешить их в ближайшие две недели. Теперь он в ответе за «соблазненную» девушку: даже если Хоркина никогда больше не захочет повторить театральные эксперименты, пусть вспоминает о единственном опыте с улыбкой...

Едва ли не главная проблема заключается в том, что в России нет культа Генри Миллера. Далеко не каждый способен одолеть от корки до корки его многословные повествования, далеко не всех возбуждает этот довольно таки замороженный эротизм, а уж нюансы миллеровской биографии ведомы только знатокам. Много ли таких наберется в зале, особенно не столичном, а периферийном?..

Лично я познакомилась с потрясающей историей Генри и Бренды из журнала Михаила Армалинского GENERAL EROTIC (№ 30, 01.12.2000). Вот вам тезисное ее изложение. Терминологию, вполне законную и для Миллера, и для Армалинского, и вообще для разговора о сексе, однако недопустимую в обычном издании, приходится опустить.

«Бренда Венус (Venus в переводе Венера; Бренда утверждала, что это ее настоящая фамилия) родилась в штате Миссисипи, жила в Лос-Анджелесе, снималась в фильмах, но без громкого успеха, и вела по утрам уроки балета, чтобы сводить концы с концами. К знакомству Бренды Венус и Генри Миллера привела цепь предначиненных обстоятельств. Миллер был приглашен выступить для сту-

Бренда — Светлана Хоркина, Миллер — Александр Парра.

дентов семинара по актерскому мастерству, но у Бренды в доме случился пожар, и на лекцию она прийти не смогла. Однако ее желание познакомиться с Миллером не сгорело, и она стала разыскивать его адрес, чтобы ему написать.

Тем временем она оказалась на аукционе, где намеревалась купить замену сгоревшему имуществу. Там было выставлено на продажу первое издание серии книг «Женщины в Истории». Бренда взяла один из томов, раскрыла его и обнаружила сложенный лист бумаги. Это было письмо Генри Миллера какой-то женщине. Бренда купила книгу и переслала листок Генри Миллеру, присовокупив записку и свои фотографии...

84-летний Миллер был по-прежнему светел умом, но ослеп на один глаз и еле ходил из-за артрита и склероза. Однако это не мешало ему рассмотреть красоту женщины на присланных снимках. Он загорелся, как юноша: «...я всегда рад познакомиться с красивой женщиной... Как бы мне хотелось сложиться в конверт и отправить себя к Вам по почте».

Прежде чем встретиться с писателем, Бренда несколько раз отправляла ему письма со своими фотографиями, и Миллер тщательно рассматривал эти изображения при помощи лупы: «Если можете, пришлите мне еще Ваших фотографий... Пока Вас нет рядом во плоти, я могу обнимать и целовать их, даже не спрашивая Вашего разрешения. В моем возрасте мужчины особенно подвержены женским чарам. Их никогда не бывает в достатке»...

Миллер прибежал ко всяческому литературному и прочим ухищрениям, чтобы хоть как-то продолжать сближение с Брендой. Она с неудовольствием замечает, что у Генри только секс на уме. Он же пытается ей объяснить, что вообще-то он думает о сексе далеко не всегда, но когда рядом с ним находится существо, являющееся воплощением секса, то ему ни о чем другом в присутствии этого существа думать не удается... Чем дольше продолжалось невинное знакомство с Брендой, тем откровеннее Генри Миллер излагал ей, чего он хочет. Бренда же — упорная «святая невинность» — сетует в комментариях: «Я никогда не могла полностью совместить известные мне две стороны Генри: скромный, простой в обращении, нежный мужчина, который давал мне ненавязчивые уроки любви, приобщая меня к книгам, искусству и поэзии, и другая сторона Генри, который гордился своей прямотой, какой бы резкой она ни была...».

29 сентября 1978-го Миллер пишет: «...И вот я, мужчина 87 лет, безумно влюблен в молодую женщину, которая пишет мне потрясающие письма, которая любит меня до последнего издыхания, ради которой я живу, живу в любви (впервые в совершенной любви),

которая делится со мной такими глубокими и трогательными мыслями, я, как юноша, нахожусь в смятении и восторге...». Однако в письме от 6 марта 79-го он подтверждает продолжающуюся невинность их отношений: «...С тобой у меня настоящий, истинный союз, даже если в нем не хватает союза плоти»... Друзья Миллера считали, что благодаря Венус Миллер прожил на несколько лет дольше. О ее благотворном влиянии писал и он сам: «Люди говорят мне, как хорошо я выгляжу, и я всегда отвечаю: это все из-за любви. Это все из-за Бренды». Я же прихожу к неизбежному выводу, что Генри Миллер умер из-за того, что потерял надежду на тело Бренды Венус...».

Армалинский нервно дышит к Миллеру и ревниво пристражен к Бренде (так большинство отечественных пушкинистов третируют Наталью Николаевну). Виноградов тоже искренне увлечен Миллером, но Бренда в его представлении не лишена романтического ореола. Иначе он, наверное, предпочел бы для своей антрепризы Алину Кабаеву... Сексуальность Хоркиной вроде бы совершенно не в русле Генри Миллера: хрупкая, как бабочка, невозможно тоненькая, практически бестелесная, на ножках-макаронинах... До такой и дотронуться-то страшно. В ней все мило, все трогательно: острые плечи, серьезное личико, отсутствие привычки к каблучкам (колышется на шпильках, словно тростник под ветром), неистребленный пока еще южнорусский говорок. Хоркина родом из Белгорода, и ее соотечественники гордятся двумя весомыми вкладами в российскую историю: чемпионка по гимнастике — раз, великий актер Михаил Семенович Щепкин — два. Но кто бы мог подумать, что Хоркину заинтересуют лавры Щепкина...

В Venus'e Светлану — Бренду окружают прошлые женщины Миллера, а сам герой раздваивается на Генри старого (Александр Парра) и Генри в расцвете (Виноградов собственной персоной). Действие перебрасывается туда-сюда, из Парижа в Америку, через четыре десятилетия. Уже сейчас очевидно, что литературы в спектакле Виноградова куда больше, чем секса. Нецензурная лексика отсутствует (что для Миллера, конечно, странно), обнаженная натура тоже, хотя «динамистка» Бренда, судя по всему, иногда демонстрировала несчастному классику свое тело (с условием смотреть издали и руками не трогать)... А самая удачная, по моему, находка Виноградова-режиссера — это фонарики, прикрепленные к женским платьям пониже живота. Именно отсюда бьет яркий свет, озарявший такую долгую и такую бурную жизнь Генри Миллера.

Миллер
Генри